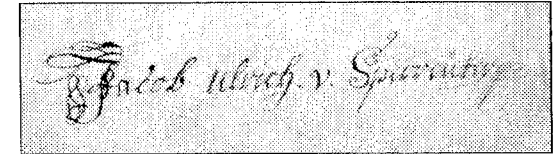

В числе бомбардиров 1-й статьи упоминаются три иноземца: «Адриан фон дер Стам, Генрих фон Вели и Яков Улрик фон Спаррейтер». Вместе с другими нанятыми на русскую службу иноземцами они отправились 13 мая 1698 г. морем из Амстердама в Нарву. На дорогу Шперрейтер получил 14 ефимков².

Существовали различные (особенно в русских документах) написания фамилии Шперрейтер (Шпаррейтор, Шперейтор, Шпелрейтор, Шперреитер, Спаррейтер, Сперейтер, Спаррейтор и др.),

равно как и его имени – Яков (Якоб, Яган) Улрик (Ульрик, Улрих). Впрочем подобная ситуация характерна для многих иностранных имен того времени. Остановимся на наиболее распространенном написании – Шперрейтер.

Подпись-автограф Я.У. Шперрейтера.
Вторая четверть XVIII в.

В прошении об отставке, поданном в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 10 октября 1735 г. Я.У. Шперрейтер сообщал, что родился в 1668 г., а в 1685 г. «вступил в службу и служил при короне швецкой и при голландских Штатах в Брабантии 10 лет до поручицкого артиллерии ранга»³.

Яков Улрик был сыном шведского дворянина Олафа фон Шперрейтера, чья деятельность также была связана с артиллерией. Он был капитаном артиллерии в Риге (1674), а затем майором артиллерии в Ревеле (совр. Таллинне) (1688), где и скончался в 1700 г. Матерью Я.У. Шперрейтера была Анна Елизавета Харгман, дочь кригскомиссара Энгеля Хартмана. Род Шперрейтеров был нобилизован в 1694 г. и занесен в книгу шведского дворянства в 1697 г.⁴ Наверняка именно под началом своего отца Яков Улрик изучал основы бомбардирского дела.

Служба Шперрейтера в Голландии совпала с годами войны Аугсбургской лиги (в которую кроме Голландских Соединенных провинций входили Австрия, Испания, Бавария, Пфальц и Саксония) с Францией. Возможно, что Шперрейтер стал очевидцем и «Славной революции», когда голландский штатгальтер Вильгельм III Оранский вступил на английский престол, свергнув Якова II Стюарта.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

«НЕОБЫКНОВЕННЫЙ И В ВОЙСКЕ И В СЛУЖБЕ ГРАЖДАНСКОЙ»: ШВЕДСКИЙ АРТИЛЛЕРИСТ ЯКОВ УЛРИК ШПЕРРЕЙТЕР В РОССИИ

На службе в российской армии в эпоху Петра Великого состояло немало иноземцев, большинство из которых с честью выполняли свой воинский долг. Многим из них Россия стала второй родиной. Значительную часть офицерского корпуса артиллерийского ведомства также составляли иностранцы. Достаточно вспомнить, что первый российский генерал-фельдцейхмейстер был грузином, второй – шотландцем, а третий – немцем.

В последние годы возрос интерес исследователей к иностранным специалистам на русской службе в XVII–XVIII вв.¹ Однако, несмотря на обширную и достаточно компактно отложившуюся в архивах документальную базу, деятельность нанятых на артиллерийскую службу иноземцев практически не изучена. Более того, отрывочные сведения о них, публикуемые в различных исследованиях, не столько освещают, сколько запутывают их биографии.

О представителях одной из шведских дворянских фамилий, связавших свою жизнь и деятельность с русской армией, и пойдет речь в настоящей статье...

13 мая 1698 г. на борту корабля, отправляющегося из Амстердама в далекую Нарву, взойшел тридцатилетний артиллерийский офицер Яков Улрик фон Шперрейтер (Jakob Ulrik Sperreuter). В числе других специалистов (офицеров, кораблестроителей, врачей и т.п.) он отправлялся в далекую и таинственную Московию за деньгами, чинами и фортуной. В документах Великого посольства 1697–1698 гг. сохранились сведения о вербовке в Англии вторым великим послом Федором Алексеевичем Головиным 17-ти бомбардиров.

Секретарь австрийского посольства в Россию Иоганн Георг Корб сообщил, что Шперрейтер был отправлен в Россию «державящими голландскими чинами» для участия в военных действиях против турок и татар⁵.

Можно предположить, что выбор России в качестве своего дальнейшего места службы был сделан Яковом Улриком еще и по той причине, что в то время в Москве уже находился его брат – Улрик (Ульрих). Он приехал в Россию полутора годами ранее вместе со своим товарищем Яганом Вейденбахом. 10 февраля 1697 г. псковский воевода, стольник Иван Салтыков отписал в Москву, что накануне «приехали ко Пскову из-за Свейского рубежа иноземцы Ульрих Спаритер да Яган Вейденбах». На расспросе в приказной палате они объяснили, что «породою де они Свейские земли города Колывани (старинное русское название Ревеля. – *Прим. авт.*), служилых отцов дети, огнестрельного дела мастера», едут поступать на русскую службу. Отцы их служат бомбардирами. Кроме того, они заявили, что обучались «бомбардирному инженерству» в Колывани у отца Улрика, в чем предьявят в Посольском приказе выданные им письменные свидетельства на пергамене, сделанные согласно требованиям королевского указа.

Действительно губернатор Эстляндии граф Аксель Юлиус Делагарди выдал молодым людям прозжие листы «за своею рукою и за печатью, куда они схать в службу не похотят... и они де, иноземцы, слыша сго великого государя милость к своей братии служилым иноземцам, из Колывани поехали в Москву служить ему, великому государю собою, а ни по чьему призыву, а окромя де Свейския земли в иных государствах ни в каких службах не бывали». Приехав в Москву, Улрик Шперрейтер и Яган Вейденбах остановились в Новой Немецкой слободе на дворе у столяра Христофора Рыча (Рыца).

В прозжих листах, подписанных Делагарди, отмечалось, что Улрик фон Шперрейтер три года в Ревеле «у здешнего пушечного снаряда коннестаблом служил, а во все то время всегда верный и тщательный был»⁶.

1 марта 1697 г. оба шведа были отосланы из Посольского в Иноземный приказ для определения на службу. К сожалению, о дальнейшей судьбе У. Шперрейтера практически ничего не известно.

Сохранилось предписание генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса о переводе 4 января 1714 г. подполковника Шперрейтера в полевую артиллерию⁷.

В 1715 г., судя по описи документов Приказа артиллерии, составленной Струковым, полковник И.Я. Гиптер доносил начальнику артиллерийского ведомства Я.В. Брюсу о смерти полковника Шперрейтера⁸.

В прошении майора походной полевой артиллерии Луки Кепеди от февраля 1716 г. о повышении в чине, в частности, говорится: «В прошлом 1715-м году умре подполковник артиллерии фон Шперрейтер»⁹.

Речь, скорее всего, идет об одном и том же человеке. (Струков, вероятно, не смог в немецком тексте письма Гиптера, разобрать чин умершего. К сожалению, письмо не сохранилось.) Известно, что Яков Улрик Шперрейтер стал подполковником в 1711 г.¹⁰, прожил достаточно долгую жизнь (ум. 1750) и, следовательно, не мог скончаться в 1715 г.

Можно предположить, что в документах идет речь о смерти подполковника походной полевой артиллерии Улрика фон Шперрейтера – брата Якова Улрика.

По приезду в Россию Я.У. Шперрейтер был, как и его брат, зачислен в Приказ артиллерии. Россия готовилась к продолжению войны с Турцией, и для артиллерийского офицера открывалось огромное поле деятельности. Однако он и не подозревал, что внешнеполитические ориентиры России по завершении Великого посольства сместились диаметрально противоположно. В конце августа 1700 г. вместе с русской армией швед Шперрейтер был отправлен осаждать шведскую крепость Нарву. Неизвестно, какие чувства испытывал офицер, выпуская бомбы и ядра по осажденному городу. Надо полагать, что участие в войне с соотечественниками не прибавило ему энтузиазма относительно продолжения службы в России.

В результате «Нарвской катастрофы» 19–20 ноября 1700 г. Я.У. Шперрейтер оказался в шведском плену. Он был посажен под арест, и шведские власти обвинили его в измене, поскольку он воевал против своей собственной страны. Шперрейтер отвечал, что был принят на русскую службу в Англии при встрече с царем и подписал контракт с русскими сроком на четыре года. Шперрейтер утверждал, что не собирался воевать против Швеции и что его наняли воевать против Турции. Он также сообщил, что намеревался оставить русскую службу, когда началась война со Швецией, но не смог этого сделать.

Тем не менее, следствие сочло эти доводы несубедительными. Кроме того, кто-то донес коменданту Нарвы генерал-майору Г.Р. Горну, что Шперрейтер дружественно отзывался о России и русских. 3 февраля 1703 г. Шперрейтера приговорили к смерти. Дело было направлено в Стокгольм в Юстиц-ревизию (*Justitierevisionen*), которая обнаружила некоторые смягчающие обстоятельства. Приговор был направлен с рекомендацией о помиловании на высочайшее утверждение королю Карлу XII. Однако король по неизвестной причине не принял никакого решения. Возможно, что шведскому монарху в условиях продолжающейся военной кампании против Августа II Сильного просто-напросто было не до судьбы какого-то артиллерийского офицера¹¹.

В 1704 г. русские войска вновь осадили Нарву. Судя по всему, содержание арестованного Я.У. Шперрейтера во время осады ослабло. Возможно, и сам артиллерист хотел заглазить свою невольную вину и смягчить наказание помощью соотечественникам в обороне города. Скорее всего, он мог свободно передвигаться в пределах городских стен. Во время бомбардировок Нарвы русскими войсками в начале августа 1704 г. капитан Шперрейтер предложил коменданту Г.Р. Горну соорудить контрбатареи и с их помощью действовать против неприятеля. За такое предложение комендант приказал вновь посадить Шперрейтера под арест, но к вечеру 2 августа распорядился выпустить капитана и последовал его предложению¹².

Однако положение Нарвы было безнадежным, и через несколько дней, после продолжительных бомбардировок и жестокого штурма город и крепость пали. Сложилась парадоксальная ситуация: плененный шведами и приговоренный ими же к смертной казни швед Шперрейтер был освобожден русскими.

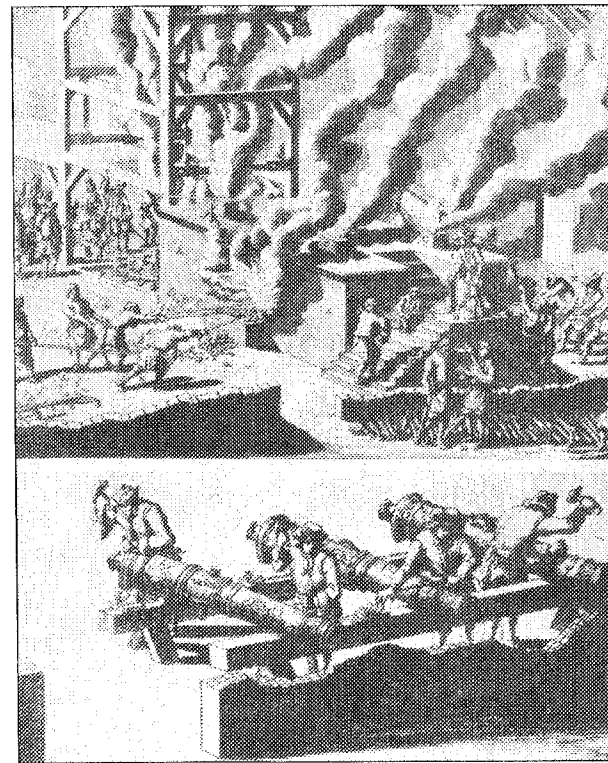
Следует отметить, что во время своего пребывания в шведском плену Я.У. Шперрейтер продолжал числиться на русской службе. В «Списке выезжим иноземцам, которые ведомы были в приказе артиллерии...» (1704), в графе «Бомбондирь галацские же земли» вписан «Яков урлих Фан шпарретер». Указано, что он находится на русской службе с «206» года (т.е. с 1698), ему положено годовое жалованье 92 рубля 13 алтын 2 деньги. В графе «Где девался» записано: «В полону у шведов»¹³.

После взятия Нарвы русскими войсками Я.У. Шперрейтер вернулся в Москву и был определен в чине капитана артиллерии на Пушечный двор. Первое упоминание о нем относится к 18 апреля

1705 г., когда новый начальник артиллерийского ведомства Я.В. Брюс в письме к дьяку Приказа артиллерии П.П. Павлову указывал: «Которые 3-фу[нтовые] пушки 31 пушка в литье вели готовить к ним станки с всеми прищасы. Потребовать у капитана нового (курсив мой. Прим. авт.), что на Пушечном дворе, чтоб станки были крепкие, не такие же пыленные, которые в присылке к Смоленску»¹⁴.

Капитану Я.У. Шперрейтеру было выплачено жалованье за время пребывания в шведском плену¹⁵.

Я.В. Брюс, по-видимому, уже в скором времени оценил знания и опыт шведа. Это особенно ощущалось в связи с нехваткой квалифицированных кадров и необходимостью стандартизации и модернизации русской артиллерии. Начиная с лета 1705 г. письма

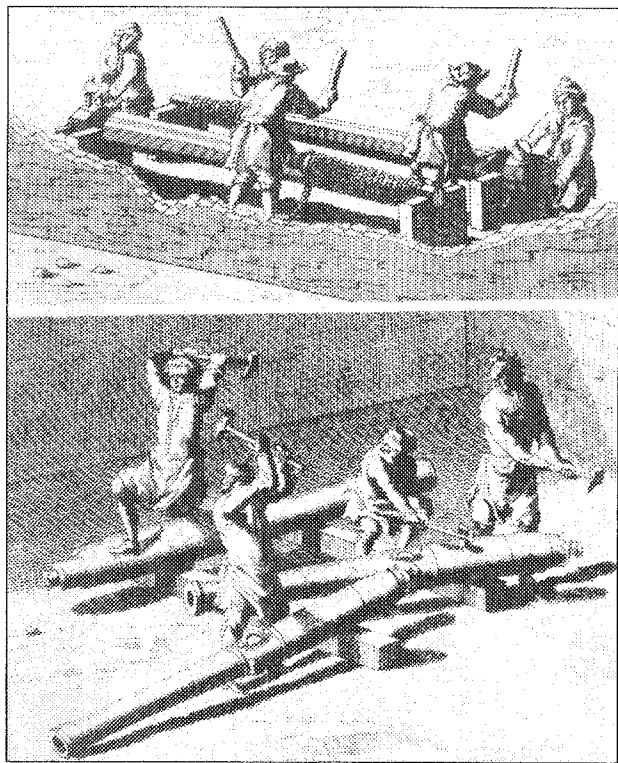

Литейная мастерская. Обработка декора на стволах пушек.
Гравюра. Конец XVII в.

начальника артиллерии к руководителям приказа избылиуют распоряжениями относительно Я.У. Шеррейтера.

Вскором времени, выражаясь современным языком, швед стал техническим руководителем Московского пушечного двора. В первое десятилетие Северной войны именно этот двор стал своего рода лабораторией конструирования нового вооружения. В своих письмах-распоряжениях Брюс неоднократно подчеркивал, что изготовление образцов любого вида вооружения, касается ли это материальной части артиллерии, боеприпасов или даже шанцевого инструмента, и испытания их должны происходить при участии и «под смотрением капитана Шеррейтера».

Образцы вооружения, показавшие удовлетворительные результаты, либо в единичном экземпляре, либо опытыми партиями

Подготовка к отливке стволов. Разбивка старых и бракованных стволов на куски. Гравюра. Конец XVII в.

отсылались «в поход» или в Санкт-Петербурге, где проходили дальнейшие испытания в боевой обстановке.

14 июня 1705 г. Брюс писал дьяку Приказа артиллерии: «А как подаст тебе чертеж гаубичным бомбам капитан Шеррейтер, и ты по тому чертежу вели на железных заводах бомбов с 20 вылить не помешкав. А для литья тех бомбов на заводы пошли наскоро подъячего. А как будут привезены, ты их отдай для отпуску ему, капитану, потому что здесь гаубичные пудовые и полупудовые бомбы явились в литье плохи. Приказал государь наскоро вылить 3-х пудовый мортир и прислать в Норечье, таковым образом, как вылит 2-х пудовый мортир. А образец взять у капитана Шеррейтера. И вели смотреть, чтоб делал дешево и почно. И станок к нему б зачали вдрут с мортиром делать. И тем образом, как последние новые 3-х пудовые»¹⁶.

Спустя четыре дня Брюс повторил распоряжение, указав отличать мортиру «наскоро и таковым образом, каков по чертежу капитана Шеррейтера»¹⁷.

В начале августа 3-пудовая мортира, отлитая по чертежу Я.У. Шеррейтера, была отправлена со стащком и роспусками в Норечье – крупный перевалочный пункт, через который шло снабжение русской армии¹⁸.

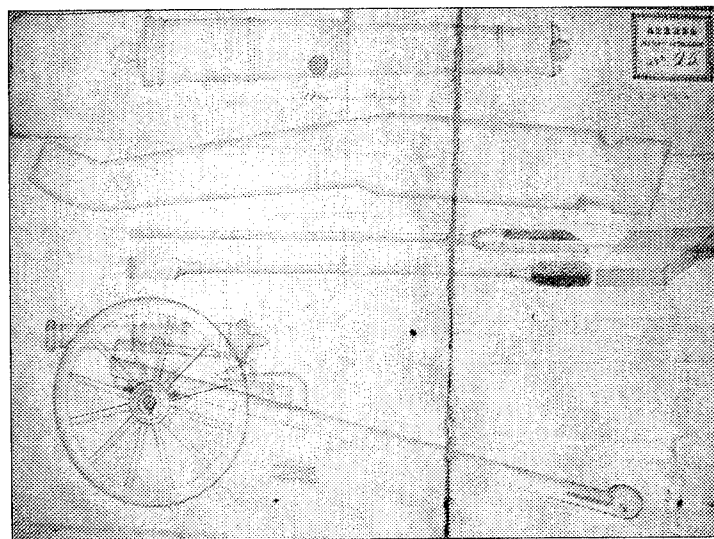
Многочисленные справедливые нарекания военачальников на плохое качество лафетов, станков, роспусков и артиллерийской принадлежности принуждало Я.В. Брюса обратить пристальное внимание не только на их устройство, но и качество материала, из которого они изготавливались. К исправлению конструкций лафетов также был привлечен и Я.У. Шеррейтер. «По прежним моим письмам, что приказано капитану Якову Шеррейтеру о починке и вновь оковке пушечных станков и роспусков, и колес, которые по досмотру его явятся сделаны худо, всем у вас управлены? А буде не сделано, вели управлять немедленно. Потому что, которые пушечные станки и роспуски, и колеса сюда в поход привезены, кованы плохо, и иные переделывать вновь»¹⁹, – писал Брюс дьяку Павлову.

В работе по изготовлению лафетов Брюс приказывал руководителям Московского пушечного двора и Приказа артиллерии «быть послушным Шеррейтеру, для того, что ежели оные будут зделаны худо и непрочны, спросят на нем»²⁰. Шеррейтер также изготавливал по распоряжению Брюса станки для гаубиц²¹.

Кроме того, Я.У. Шперрейтер занимался полевыми и лабораторными испытаниями. Так, например, Петр I приказал 12-фунтовую пушку, отлитую мастером Михелем Арнольтом, «стрельбою ядрами опытать — от скольких выстрелов той пушки запал повредиться». Я.В. Брюс отдал распоряжение дьяку П.П. Павлову: «И тою пушку прикажи вывести на поле и стрелять из нее выстрелов по 50. А для той стрельбы вели давать капитану Шперрейтеру порох и ядра сколько ему понадобится»²².

После окончания испытаний пушка была распилена вдоль ствола, и Шперрейтер составил ее чертеж для самого государя («дабы возможно было видеть как внутри выгорело») ²³. Более того, Я.У. Шперрейтер выступил в качестве эксперта. Выяснилось, что у пушки «одна сторона вылита толще другой, а по подписям на оном чертеже Шперрейтера, сказывал ему тот мастер, которой оную лил, что надобно к тому пушечному литью инструменты вновь сделать такие, как бывают в иных государствах»²⁴.

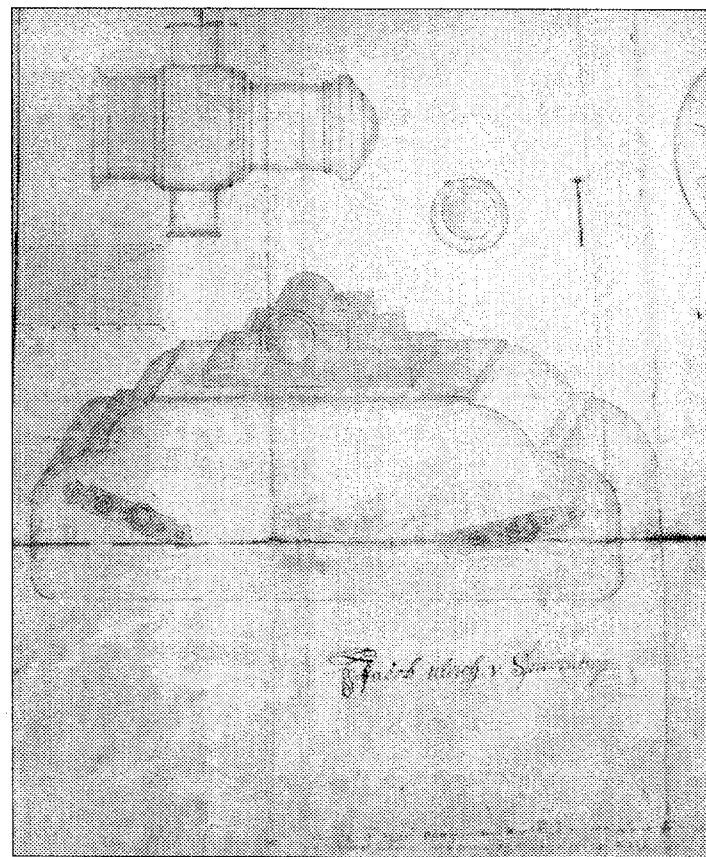
Шперрейтер готовил чертежи артиллерийских орудий как для Пушечного двора, так и для отсылки самому царю. В 1706 г. Петр I приказал «вылить и совсем изготовить точным размером 6 пушек 12-фунтовых, длиною по 25 калибров, да 12 пушек 6-фунтовых

Чертеж 24-фунтовой пушки, выполненный Я.У. Шперрейтером.
Вторая четверть XVIII в.

длиною по 30 калибров», поскольку имеющиеся в действующей армии орудия были «гораздо тяжелы». Брюс в письме князю А.Д. Меншикову отмечал, что «может оным чертеж учинить на Москве пребывающий артиллерии капитан Яков Шперрейтер»²⁵.

В октябре 1705 г. Я.В. Брюс приказал дьяку Приказа артиллерии: «Готовить в лаборатории капитану Шперрейтеру артиллерийские принасы: трубки к бомбам 9-и пудовым и гранатам 6-фунтовым, также и картечи вязать. И ты прикажи ему, Шперрейтеру, трубки к бомбам и гранатам готовить, также и картечи вязать, что доведется: 24 фунтовые, 18 фунтовые, 12 фунтовые, 6 фунтовые,

Чертеж мортиры, выполненный Я.У. Шперрейтером.
Вторая четверть XVIII в.

а наипаче 3 фунтовые. И сколько чего сделано будет, о том ко мне для ведома отпиши»²⁶.

Я.У. Шперрейтер контролировал, чтобы «картечи к мортирцам, гранатом 6 фу[нтовым] ... делать не гораздо долгие жестяные из мушкетных пульей, чтоб были не тяжелы, которые можно выбросить порохом»²⁷. Ему же было поручено проверять качество пошитного полотна для изготовления скорострельных зарядов, «понеже ныне явилось плохо, в котором много шток, отчего обожжены люди». «А за прежней прием, кто не смотрел, достоин великого штрафа. А приемники повинны долгой плести»²⁸, — писал Я.В. Брюс.

Низкое качество папцевого инструмента — лопаток, кирок, мотыг, которые являлись в то время дополнением артиллерийской принадлежности, — заставляло главу артиллерии заняться и этой проблемой. Рассмотрев все предложенные виды кирок, мотыг и лопаток, Я.В. Брюс остановился на шведских образцах, сделанных Я.У. Шперрейтером: «Готовить кирки и мотыки прот[ив] образца капитана Шперрейтера, також и лопатки железные, чтоб были сделаны добрым и прочным мастерством»²⁹.

Следует отметить, что Брюс покровительствовал шведу-артиллеристу. Даже когда были вылиты три мортиры, которые не выдержали пробы и были вновь перелиты, а Артиллерийский приказ понес убыток в 54 рубля 1 копейку, Я.В. Брюс простил своего помощника. Он писал в приказ: «Понеже не всегда бывает так, чтобы в литье чисто и годно выходило». Но, подчеркивал, что если подобное повторится, то убытки будут вычтены из жалованья Шперрейтера³⁰.

Большой вклад внес Я.У. Шперрейтер в становление артиллерийского и инженерного образования в России. Кроме выполнения работ на Московском пушечном дворе он еще и прививал практические навыки ученикам Московской пушкарской школы (Новой пушечной, или Артиллерийской школы). Она была создана в январе 1701 г. почти одновременно со Школой математических и навигацких наук.

Я.В. Брюс следил, чтобы учебный процесс в школе шел нормально и ученики осваивали бы не только теорию, но и артиллерийскую практику. Он рекомендовал Н.П. Павлову отобрать из школьных учеников человек 5-6, хорошо успевающих по геометрии и фортификации, и «отдать их в науку Шперрейтеру». Брюс подчеркивал, что капитан должен обучать школьников, «чему он сам к артиллерным делам навычен, не токмо чертежам

всяким, но и пушечной стрельбе и бомбного надлежит быть бросания». Одним словом, чтобы «научил подлинному своему делу»³¹. В учение Шперрейтеру были отданы Степан Ширий, Иван Григорьев, Никита Харитонов, Дмитрий Ивапов, Петр Ивапов и Аким Прокофьев.

Занимался Шперрейтер и переводом книг на русский язык. В начале 1710 г. по заданию Я.В. Брюса ему было поручено переводить с немецкого языка книгу по артиллерии³².

Еще одна страница биографии Я.У. Шперрейтера связана с подготовкой Москвы к обороне от ожидаемого шведского нашествия. Обязанность руководить строительством новых фортификационных сооружений была возложена на гвардейского поручика В.Д. Корчмина, а затем и на царевича Алексея Петровича³³.

Дьяк Приказа артиллерии П.П. Павлов писал Брюсу: «Василий Дмитриевич Корчмин афицеров бомбардирских, пушкарей и мастеровых людей, которые обретаются на Москве, по имянному списку пересмотрел. И по его приказу господин Шперрейтер, да инженер Гран, да Леоптий Магницкий, которой учителем на Сухаревой башне, с ним обрисовали Кремль и Китай город для того, что ему те оба города велено осматривать и укреплять, где пристойно, поставить по ним пушки. И под которыми медными и чугуными пушками и мортиры станков нет, приказал тотчас сделать с задними колесы. И ныне те станки делают с великим поспешением. И по его приказу наряжены к нему на двор 4 человека бомбардиров с шагаи, из Верхней школы 4 человека учеников, да по 2 человека подьячих»³⁴.

Майор Я.У. Шперрейтер составил план строительства московских укреплений и подготовил их чертежи³⁵. Проект был одобрен самим Петром I. Вторжение шведской армии в пределы России заставило царя поспешить с усилением обороноспособности столицы. Английский посланник Ч. Уитворт доносил из Москвы в Лондон: «Над здешними укреплениями, несмотря на сильные морозы, постоянно работает до двадцати тысяч человек...»³⁶. Тем не менее, Петр не переставал горючить со строительством укреплений.

Шперрейтер, и в этом его поддерживал царевич, оправдывался нехваткой рабочих рук и просил выделить ему дополнительных работников³⁷. Петр в одном из писем упрекал своего сына, «что зело медленно и часто Шперрейтор переламявает», и требовал ускорить строительные работы³⁸.

Следует отметить, что майору действительно приходилось перестраивать некачественно и небрежно сделанные укрепления, построенные «под смотрением» московских высокопоставленных чиновников. План строительства московской фортеции по современным европейским правилам (по системе голландского инженера-фортификатора Менно фон Кугорна) постоянно корректировался из-за ведомственных и частных интересов. Казнокрадство и нежелание честно исполнять свое дело были настоящим бедствием для России и в петровское время. Личное благосостояние значило для московской правящей элиты гораздо больше, нежели государственные интересы и оборона Москвы.

Согласно донесению московского обер-коменданта князя М.П. Гагарина Шперрейтер требовал в феврале 1708 г. 12 тыс. человек, в июне просил добавить еще 4 тыс., а в сентябре для окончательного завершения работ испрашивал еще дополнительно 34 тыс. рабочих³⁹. Ценой огромных усилий столицу все же удалось подготовить к обороне.

Представление о присвоении Шперрейтеру подполковничьего чина за строительство московских укреплений пытались заволокитить, в чем Я.В. Брюс не преминул упрекнуть М.П. Гагарина. «Что принадлежит о перемене чина господина маёра Шперрейтера, писал Брюс, – и я по желанию вашему его светлости господину князю Меншикову доносил. И он изволил мне сказать, что не токмо от вас изустного, но и письменного прошения не видал. И знатное дело, господин Волков (секретарь Меншикова. – *Прим. авт.*) по письму вашему о том не докладывал. Того ради я с ним переговора, и паки его светлости доложу»⁴⁰.

Вероятно, в конце 1710-х гг. Шперрейтер был переведен в армию. Однако и там он проявил себя как талантливый военный конструктор. В 1718 г., командуя гренадерским батальоном, он изобрел ручную мортирку для стрельбы гранатой. Зарядная камера мортирки представляла собой обычный фузейный ствол. При испытании мортирки в батальоне дальность стрельбы достигала 250 аршин (177,5 м). Шперрейтер предложил наладить производство мортирок на Липецком заводе, а использовать их можно было как в пешем, так и в конном строю. Не известно, послужила ли мортирка Шперрейтера образцом для последующего изготовления гренадерских мортирок. Во всяком случае, уже в 1719 г. в Санкт-Петербургском арсенале хранилось 24 подобных мортирки, а 27 (с латунными

и железными приборами) – в Образцовой палате Сестрорецкого завода⁴¹.

В августе 1725 г. подполковник полевой артиллерии «фон Шперрейтер» находится в Павловске при артиллерийской команде. Сохранилось его письмо с просьбой выслать десять стоп писчей бумаги из Санкт-Петербургского бумажного завода⁴².

Павловск имел большое стратегическое значение на юге России. Во время подавления восстания под предводительством Кондратия Булавина у Петра I возник замысел строительства крепости на Дону в устье речки Осереды. В 1709 г. туда были направлены 3 тыс. пленных шведов, захваченный под Полтавой и Переволочкой. Руками пленных была отстроена крепость, первоначально названная Осередской, заложена корабельная верфь.

В том же году на стапелях верфи были заложены 10 средних и 4 малых корабля. В крепости расквартировались полки: Тамбовский, Козловский, Коротоякский, Елецкий, Павловский и артиллерийская команда.

В 1711 г. после неудачного Прутского похода России пришлось отдать туркам крепость Азов и прилегающие территории. Согласно статьям договора в устье речки Миус была уничтожена Павловская крепость, а ее гарнизон переведен в крепость на реке Осередь. В память о Павловской крепости Осередскую крепость стали называть Ново-Павловской, а затем городом Павловском.

На Ново-Павловской верфи строили и вооружали корабли. В частности, там строили большие плавучие батареи-премы. Это были крупные плоскодонные корабли с мощной артиллерией, экипаж такого судна составлял 283 человека. Активное военное строительство, несомненно, велось на перспективу неизбежной новой войны с Османской империей и защиты юга России от возможного нападения турок. Знания и опыт Я.У. Шперрейтера были в этой ситуации как никогда кстати.

26 сентября 1727 г. полевой артиллерии подполковник Шперрейтер был произведен в полковники на место полковника М.М. Витвера (Витвора), пожалованного в генерал-майоры. На «убылое» место Шперрейтера назначен майор А. Беренс, произведенный в подполковники⁴³.

Вероятно в том же, или в следующем году Я.У. Шперрейтер вернулся в Санкт-Петербург. В ноябре 1728 г. он находился «маршалом при гробе» герцогини голштинской Анны Петровны – дочери

Петра Великого, тело которой было привезено из Киля для погребения в Северную столицу.

В Санкт-Петербурге Я. У. Шперрейтер состоял членом присутствия в Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Круг обязанностей был им четко определен в прошении об увольнении из присутствия в артиллерийскую команду, поданном 18 ноября 1729 г.

Шперрейтер писал в прошении, что возглавлял полевое и большой артиллерии правление, занимался «смотрением» за санкт-петербургским Охтинским пороховым заводом, сочинял имеющимся в Санкт-Петербурге «всем пушкам медным и чугунным, мортирам и гаубицам оккуратные чертежи». Кроме того он жаловался, что от долговременной службы, присутствия при паяльбе стал плохо слышать, и ему бывает трудно при чтении канцелярских приговоров и указов.

Самое артиллеристу-практику тяжело было выполнять роль канцелярского начальника. Тем более что артиллерийским ведомством руководил уже не бывший его покровитель Я. В. Брюс, а совсем другие люди. В русской артиллерии, как и в государстве российском, наступала эпоха безвременья.

25 ноября 1729 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации освободила Шперрейтера от членства в присутствии и вновь определила его в полевую артиллерию⁴⁴.

Во время коронации императрицы Анны Иоанновны в Москве торжества состоялись и в Санкт-Петербурге. Перед домом Б.-Х. Миниха Шперрейтер устроил грандиозный фейерверк. Три огромных чюта были освещены разноцветными огнями. На среднем была изображена сама императрица со скипетром и державой. К ее ногам из рога изобилия сыпались «короны, скипетры, венцы, меркурьевы жезлы, медали, фрукты и разные листы». Над головою государыни «из облак восходящая рука, держа императорскую же корону, оною на Ея Императорское Величество возлагала, и от головы, свыше коронованной, исходили лучи». Огни горели всю ночь, а потом зажигались по вечерам в течение недели⁴⁵.

12 июля 1730 г., в день когда князья Долгоруковы отправились в ссылку в сибирский Березов, полковник Я. У. Шперрейтер был пожалован в генерал-майоры⁴⁶. Устройство фейерверка, надо полагать, сыграло не последнюю роль в производстве в чин. Известно, что новая российская государыня обожала пышность и славословия в свой адрес.

Несколько лет спустя Шперрейтер стал проситься в отставку. В прошении об отставке, поданном в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 10 октября 1735 г., Яков Улрик Шперрейтер кратко изложил свой послужной список (о чем говорится в начале статьи) и сообщал, что в августе 1695 г. (так в тексте!) «своею волею вступил в службу Российской империи и всей де его за морем и в России службы пятьдесят лет»⁴⁷.

Вероятно, память подвела пожилого генерал-майора, и он увеличил срок своей службы в России на два года. Прошение было рассмотрено в Канцелярии: «А ныне от такой продолжительной службы, и от многих трудов, и разных от пушечной и мортирной паяльбы болезней пришел в слабость и оглох. И с великою пуждою мало что слышит и глазами почти слеп, и в памяти в силе и во исправлении дел весьма ослабляет и приходит в крайнюю дряхлость. И за тем более в службе он быть не способен. А от роду ему 67 лет, и просит о увольнении его от службы. И хотя по мнению Канцелярии главной артиллерии и фортификации его, генерал-майора за вышеноказанные неспособности, и чтоб он, будучи в таком состоянии в туе Ея Императорского Величества жалования не получал, отставить и для прошения о том в Санкт-Петербург увалить надлежит. Попеже по особливому указу из Кабинета Ея Величества велено ему быть в команде... Миниха». В заключение говорилось, что поскольку Шперрейтер находится под командой генерал-фельдмаршала Б.-Х. Миниха, то ему и следует подавать прошение об отставке⁴⁸.

Казалось бы, долгожданная отставка уже была близка и Шперрейтер смог бы насладиться заслуженным покоем. Однако осенью 1735 г. началась русско-турецкая война...

13 марта 1736 г. передовой отряд русских войск переправился на левый берег Дона. На следующий день инженер-прапорщик Мальгин доложил Миниху, что два городка, защищающих подступы к Азову по обеим сторонам Дона (в русских источниках эти укрепления именовали каланчами), полуразрушены, а их гарнизоны невелики. Для нападения на «каланчи» Миних выделил специальный отряд под началом генерал-майора Я. У. Шперрейтера (200 grenадер, 300 фузилеров, 100 минеров и артиллерия), а сам во главе 2,5 тысяч пехотинцев направился под Азов. По дороге к нему присоединились казаки донского атамана И. М. Краснопольского и еще несколько отрядов пехоты.

Неожиданно начавшиеся снежные бури дважды заставляли Я. У. Шперрейтера откладывать штурм каланчей. Только в ночь на 20 марта (вместо 18-го, как изначально планировалось) его воины атаковали и захватили укрепления на левом берегу Дона. После этого гарнизон «правой каланчи» капитулировал без сопротивления. Следует заметить, что когда разворачивались эти события, война еще не была объявлена, и турецкий комендант Азова совершенно растерялся. Лишь потеряв передовые укрепления, он приказал открыть по осаждавшим артиллерийский огонь.

Участник русско-турецкой войны, известный мемуарист Х.-Г. Манштейн в своих «Записках о России» сообщал: «27 марта (даты даны по свронецкому стилю. – Прим. авт.) Миних переправился через реку Дон и направился к Азову, 31-го числа до рассвета, когда войско выступило в поход, генерал-майор Сперейтер был отряжен с 600 человек пехоты и партией казаков, чтобы служить авангардом и прогнать передовые посты неприятеля. Этот генерал продвигался вперед так осторожно и неслышно, что подошел к двум замкам на берегу Дона, близехонько от Азова, и не был замечен. Генерал атаковал и взял замки, не потеряв ни одного человека»⁴⁹.

«Ведомость о военных знатных делах» отмечала: «1736 марта 20. Взятые при берегах реки Дона, неподалеку от Азова, двух турецких каланчей, или кастелей, генералом майором фон Сперейтором и атаманом донских казаков Фроловым, во время шествия генерала фельдмаршала господина графа фон Миниха к Азову, для блокады оного»⁵⁰.

После детальной разведки Миниху стало ясно, что гарнизон Азовской крепости гораздо больше, нежели он полагал, и предпринять что-нибудь, кроме длительной планомерной осады, невозможно. Стремясь хотя бы сделать осаду достаточно плотной, командующий приказал Шперрейтеру овладеть маленькой крепостью Лютик, которая располагалась к северу от Азова и господствовала над устьем Мертвого Донца (одного из рукавов Дона). Гарнизон Лютика насчитывал всего сотню янычар, но припасов в нем хранилось очень много. Вечером 23 марта отряд генерал-майора Шперрейтера подошел к Лютику с востока. Одновременно донские казаки проникли на лодках в устье Мертвого Донца с моря и появились у западной стены крепости. Перепуганный гарнизон, не приняв боя, бросился бежать к Азову, но был взят в плен казаками. Сам Миних в своих мемуарах впоследствии писал: «Я послал генерал-майора

Сперейтера с двумястами пехотинцев на лодках атаковать Лютик. Застигнутые врасплох янычары без сопротивления оставили эту крепость, вследствие чего город Азов был окружен со всех сторон; я укрепил позиции занятые моей малочисленной пехотой, окопами и, отрыв тутчас траншею, начал бомбардировать город, чем и началась осада»⁵¹.

В каланчах и крепости Лютик было захвачено два знамени, 20 медных и чугунных пушек, турецкая амуниция, и пленены около 50 человек янычар с комендантом крепости⁵².

После первых побед Я. У. Шперрейтер принял участие в осаде Азова⁵³. Осадная артиллерия к Азову еще не прибыла, так что бомбардировать город пришлось из пушек, снятых со стен крепости св. Анны. 24 марта в русский лагерь прибыл генерал-майор Левашов, которому Миних сдал командование. 26 марта фельдмаршал покинул лагерь под Азовом, чтобы ехать в Царичанку и возглавить поход в Крым. Надо отдать Миниху должное, при всей авантюристности замысла начинать осаду крепости со столь малыми силами, с задачей он справился блестяще. Практически без потерь были взяты передовые укрепления противника («каланчи» и Лютик), донские казаки отогнали от крепости татар, началось строительство осадных сооружений⁵⁴. После взятия Азова Шперрейтер был назначен обер-комендантом завоеванной крепости.

2 мая 1736 г. он был награжден за боевые заслуги орденом св. Александра Невского⁵⁵.

В конце 1736 – начале 1737 гг. Я. У. Шперрейтер находился в Киеве, а затем, вместе с супругой перебрался на зимние квартиры в Кременчуг, где пребывал генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних⁵⁶.

Однако престарелый артиллерист вновь стал проситься в отставку. Генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних согласился и подал 16 мая 1739 г. императрице Анне Иоанновне «всеподданнейшее доношение» об увольнении Шперрейтера в отставку. В прошении, в частности, говорилось: «Артиллерии генерал-майор фон Сперейтер предкам Вашего Императорского Величества и Вашему Величеству продолжал ревностную службу через 45 лет и при всех оказиях, где он в прошедших войнах находился, а особливо при последнем взятии Азова с Каланчами и Лютика, так себя верно и храбростно оказал, что за то высочайшей милостью Вашего Императорского Величества орденом Св. Александра награжден. А понеже ныне оный имеет от роду 75 лет (на самом деле Шперрейтеру был

71 год. (Прим. авт.), для которой его старости и для присутствия при многих пушечных пальбах и бомбардировании мало стал слышать и видеть, и по тому уже в несостоянии более Вашему Императорскому Величеству службу свою продолжать, но желает малыя жития его оставшия лета в покое окончить и о том многолетнем Вашему Императорскому Величеству здравия и счастливом государствовании Всемогущего Бога просить. И хотя оный генерал-майор, яко старый и заслуженный человек, и толь долговременно служил, однако, толикого числа иждивения себе не присовокупил, чтоб он свои деревни, двор или земли имел, или б же, по своему характеру, пропитание для себя и своей жены иметь мог...»⁵⁷.

Кроме того, из поданного Б.-Х. Минихом «доношения» явствует, что с престарелым генерал-майором случилось несчастье. Он продал свой дом генерал-полицмейстеру В.Ф. Салтыкову, а «деньги утратил»⁵⁸.

Скорее всего, речь шла о московском доме Шперрейтера, пожалованном ему в 1711 г. из Артиллерийского приказа. Некогда этот дом принадлежал «московскому иноземцу» и «пороховому уговорщику» (подрядчику) Д.Н. Рыцу и был конфискован артиллерийским ведомством в счет долгов⁵⁹.

Каким образом произошла эта «утрата» денег, документ не раскрывает. Миних «смотря на его толь долговременную верную службу, представил о пожаловании ему годового пациона, или же пожаловать бы такую деревню, чтоб он с его женою, по его характеру, пропитание по смерть свою иметь мог».

14 ноября 1739 г. последовало решение императрицы: «Оного генерал-майора фон Сперейтера от воинской и статской службы отставить, с награждением ранга по указу, и давать ему погодно половину жалованья того ранга, в которой он произведен будет, а именно, кроме рационов и деньничья жалованья, по 1080 рублей»⁶⁰. Я.У. Шперрейтер был уволен в отставку с производством в чин генерал-лейтенанта.

Известно, что первым браком (1704) Шперрейтер был женат на Мейдел (Maydel) из Курляндии – вдове ротмистра фон Рихтерна (von Richtern). Она умерла в Санкт-Петербурге в 1739 г. и была там же похоронена⁶¹.

В 1740 г. семидесятидвухлетний Шперрейтер женился вторым браком на Анне Маргарите Цеге фон Мантейфель (Anna Margaretha Zoëge von Manteuffel), дочери генерал-майора. После смерти

Шперрейтера она вышла замуж за эстонского ландрата Бенкта Людвига, управлявшего бывшими имениями шведского генерал-фельдмаршала Магнуса Стеббока в Колке (Kolck) и Киде (Kida) в Эстляндии⁶².

Заметим, что генерал-фельдмаршал Я.В. Брюс был женат на Маргарите (Марфе Андреевне) (1675–1728), дочери генерал-поручика кавалерии на русской службе, эстляндца по происхождению Геуриха Цеге фон Мантейфеля⁶³. Возможно, что вторая жена Шперрейтера была родственницей жены Брюса.

По состоянию на 1 декабря 1745 г. Шперрейтер жил в Ревеле. По-видимому, там он и скончался в 1750 г. в возрасте 82 лет.

Неизвестный автор замечаний на записки Машинштейна отмечает Шперрейтера в числе людей «необыкновенных и в войске и в службе гражданской»⁶⁴ ашницкого царствования.

Генеалогические справочники сообщают, что Я.У. Шперрейтер не оставил потомства, однако представители его рода в XVIII в. обосновались в России, в то время как в Швеции род пресекался⁶⁵.

Известны, по крайней мере, несколько «русских» Шперрейтеров. В архиве артиллерийского ведомства сохранились сведения о капитане Шперрейтере. В декабре 1727 г. он находился в Нарве. Там же он и скончался 3 марта 1730 г. Ему были отданы воинские почести: «Учинить пушечную стрельбу из 7 пушек 1 выстрел, да из фузей одной ротою три залпа при погребении»⁶⁶.

В 1730 г. флигель-адъютантом Б.-Х. Миниха состоял некий Александр фон Шперрейтер⁶⁷.

Подпоручик Йохан (Яган) Улрик Шперрейтер 16 апреля 1730 г. был послан с поручением в Ригу. 8 марта 1733 г. он же упоминается уже в чине поручика⁶⁸. Позднее Й.У. Шперрейтер служил майором артиллерии в Киеве (1745).

Владимир (Вольдемар Улрик) Шперрейтер (ум. 1777) служил капитаном артиллерии в Риге. В конце 1760–1770-х гг. он упоминается в газете «Санктпетербургские Ведомости» в чине генерал-майора обер-комендантом крепости св. Дмитрия на Дону. Он был женат на Анне Маргарите фон Тизенгаузен (с 1762)⁶⁹. Оба последних были женаты, имели детей.

Однако все эти представители рода Шперрейтеров, в отличие от Якова Улрика, не оставили сколько-либо заметного следа в истории России.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в поиске материалов о роде Шперрейтеров старшему научному сотруднику архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи Л.К. Маковской и шведскому исследователю Бенгту Нильссону из Университетской библиотеки Линчепингского университета.

¹ См., например: Ковригина В.А. Немская слобода и ее жители в конце XVII первой четверти XVIII вв. М., 1998; Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной научной конференции. М., 2002; Иностранцы в России в XV–XVII вв. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006; Опарина Т.А. Иностранцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1; Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур / Сб. статей под ред. Т.А. Топтендаль-Салычевой и Л. Юнсон. М., 2009.

² Устрялов П.Г. История царствования Петра Великого. Т. III (Путешествие и разрыв со Швецией). СПб., 1858. Приложение VIII. С. 582; Гусевич Д.Ю., Гусевич И.И. Великое воеводство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1607–1698 гг. СПб., 2008. С. 264, Прим. 658.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее АВИАИВиВС). Ф. 2. Оп. Генерального повыгья. Д. 213. Л. 127.
⁴ *Matrikel öfwer Swea rikets ridderskap och adel, urpå des begäran wid 1751. års riksdag, utgifwen med historiska och genealogiska anmärkningar af Cancellierådet, Secreteraren wid Kongl. Maj:ts och Rikens Archiwum, samt Riddaren af Kongl. Nord-Stjerne Orden Anders Ant. von Stiernman.* 1755. № 1307. S. 955.

⁵ Корб И. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М., 1997. С. 238–239.

⁶ Дополнение к актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1872. Т. 12. С. 49–51.

⁷ АВИАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

⁸ Струков Д.П. Архив русской артиллерии. Т. 1 (1700–1718) / Под ред. Н.Е. Бранденбурга. СПб., 1889. С. 70.

⁹ АВИАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164. Л. 840.

¹⁰ Струков Д.П. Архив русской артиллерии. Т. 1. С. 66.

¹¹ Almqvist H. *Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700–1709*. I. *Ryssarna i Sverige* // *Karolinska Förbunde*. 1942. Bd. 1. S. 89.

¹² Палли Х. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704 гг. Таллин, 1966. С. 259.

¹³ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1700–1720 гг.). СПб., 1876. Прил. XIV. С. 460.

¹⁴ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. I (Письма Я.В. Брюса (1704–1705 гг.)) / Публ. подготовлена С.В. Ефимовым и Л.К. Ма-

ковской. СПб.; Целково, 2004. № 11. С. 33.

¹⁵ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. II (Письма Я.В. Брюса (1705–1706 гг.)) / Публ. подготовлена С.В. Ефимовым и Л.К. Маковской. СПб.; Целково, 2005. № 66. С. 105.

¹⁶ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. I. № 47. С. 62.

¹⁷ Там же. № 48. С. 63–64.

¹⁸ Там же. № 71. С. 85.

¹⁹ Там же. № 51. С. 65.

²⁰ Там же. Т. II. № 134. С. 166.

²¹ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. IV (Письма Я.В. Брюса (1708 г.)) / Публ. подготовлена С.В. Ефимовым и Л.К. Маковской. СПб.; Целково, 2008. № 248. С. 177.

²² Там же. Т. I. № 56. С. 70.

²³ Там же. Т. II. № 29. С. 76.

²⁴ Там же. № 81. С. 119.

²⁵ Там же. № 53. С. 53.

²⁶ Там же. Т. I. № 97. С. 106.

²⁷ Там же. Т. II. № 99. С. 133.

²⁸ Там же. № 108. С. 141.

²⁹ Там же. № 49. С. 88. См. также: № 54. С. 92; № 78. С. 116.

³⁰ АВИАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 131. Л. 4–4об.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 441, 444об.

³² Колосов Е.Е. Русская военная книга петровского времени. М., 1968. С. 98.

³³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. IV. № 2149. С. 380–381; № 2184. С. 401.

³⁴ АВИАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 645–645об.

³⁵ Подробнее см.: Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. С. 535–538.

³⁶ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (годы с 1704 по 1708) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 39. СПб., 1884. С. 430.

³⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Петроград, 1918. Т. VIII. Вып. 1. С. 336–337.

³⁸ Там же. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1. № 2562. С. 89.

³⁹ Там же. М., 1951. Т. VIII. Вып. 2. С. 593.

⁴⁰ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. IV. № 233. С. 167.

⁴¹ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. М., 1992. С. 63–64.

⁴² АВИАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 31. Л. 51об.

⁴³ Там же. Д. 185. Л. 393.

⁴⁴ Там же. Оп. Генерального повыгья. Д. 144. Л. 141–141об.

⁴⁵ Авсеенко В. 200 лет Санкт-Петербурга. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 211.

⁴⁶ АВИАИВиВС. Ф. 2. Оп. Генерального повыгья. Д. 152. Л. 134.

⁴⁷ Там же. Д. 213. Л. 127.

⁴⁸ Там же. Д. 213. Л. 127об.

⁴⁹ Записки о России генерала Машштейна // Перевороты и войны. История

- России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М., 1997. С. 67–68.
- ⁵⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885–1887. Т. IV. С. 282.
- ⁵¹ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империей // Перевороты и войны. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М., 1997. С. 296.
- ⁵² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. С. 183.
- ⁵³ Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империей. С. 83.
- ⁵⁴ Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.; СПб., 2003. С. 160–161.
- ⁵⁵ *Matrïkel öfwer Swea rikes ridderskap och adel, urpå des begäran wid 1751.* S. 955; См. также: Кавалеры императорского Ордена Святого Александра Невского. 1725–1917 гг. М., 2009. Т. 1. С. 166.
- ⁵⁶ Цепчатности судьбы с подробным повествованием о весьма необыкновенных обстоятельствах, приключившихся с одним Польским дворянином, находившимся в продолжении 45 лет на русской службе и описанных им самим в 82-х летнем возрасте / Из ольденбургского великогерцогского архива // Русский архив. 1898. № 4. С. 484, 485.
- ⁵⁷ Бумаги Кабинета Министров Императрицы Анны Иоанновны. Часть 10-ая (год 1739) / Собраны и изданы под ред. профессора А.П. Филиппова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 130. Юрьев, 1909. С. 485.
- ⁵⁸ Там же. С. 486.
- ⁵⁹ Струков Д.П. Архив русской артиллерии. Т. 1 (1700–1718) / Под ред. Н.Е. Бранденбурга. СПб., 1889. С. 183.
- ⁶⁰ Бумаги Кабинета Министров Императрицы Анны Иоанновны... С. 486.
- ⁶¹ *Matrïkel öfwer Swea rikes ridderskap och adel, urpå des begäran wid 1751.* S. 955.
- ⁶² *Ibid.*
- ⁶³ Ефимов С.В. Повседневная жизнь начальника русской артиллерии Я.В. Брюса в годы Северной войны // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. 13–17 сентября 2006 г. СПб., 2006. С. 56.
- ⁶⁴ Замечания на «Записки генерала Машштейна» // Перевороты и войны. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М., 1997. С. 448–449.
- ⁶⁵ *Matrïkel öfwer Swea rikes ridderskap och adel, urpå des begäran wid 1751.* S. 955. Более подробные сведения о роде Шперрейтеров содержатся в новейшей электронной энциклопедии шведского дворянства, выпущенной Шведским дворянским собранием: *Riddarhusets stamtavlor*. CD. 2002. Однако там много ошибок и неточностей. Так, например, Яков Улрик Шперрейтер отсутствует вообще, а его биографические сведения отнесены в большей своей части к его брату Улрику.
- ⁶⁶ АВИМАИВнВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 208. Л. 14, 307; Оп. Генерального повывья. Д. 142. Л. 8; Д. 148. Л. 53.
- ⁶⁷ Там же. Оп. Генерального повывья. Д. 152. Л. 78.
- ⁶⁸ Там же. Д. 149. Л. 110; Д. 183. Л. 94; Д. 184. Л. 190.
- ⁶⁹ *Riddarhusets stamtavlor*. CD. 2002.